

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2026)2–02

Политика памяти и осведомленность молодежи о славяно-тюркском наследии в странах Большого Алтая

Алла Владимировна Ковалева¹

Гульмира Дженишевна Джунушалиева²

Ирина Владимировна Горина³

Нургуль Исраиловна Осмонова⁴

¹Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия), alla_k65@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6063-4107>

²Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек (Кыргызстан),
dzun5gulmera@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-5417-1049>

³Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек (Кыргызстан),
gorina72@gmail.com <http://orcid.org/0000-0002-2823-2765>

⁴Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек (Кыргызстан),
osmonova_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3846-4033>

Аннотация. Анализируются результаты социологического опроса о ценностях историко-культурного наследия тюркских народов, уровне их освещенности в медиа-пространстве стран Большого Алтая. Постсоветские страны на протяжении более 30 лет прилагают усилия в конструировании национальной исторической памяти у молодежи. Актуальность исследования заключается в активных попытках ревизии общего прошлого. Его переформатирование и поиск иных ценностных акцентов связаны не только с деятельностью международных неправительственных организаций, но и с поиском национальной идентичности. Цель работы — выявление и интерпретация сходства и различий в оценке значимости событий общей истории славянских и тюркских народов, а также оценке осведомленности студенческой молодежи, заинтересованности в изучении данной тематики, поскольку именно эта возрастная группа находится в состоянии непрерывного получения знаний по всемирной и отечественной истории в рамках университетского курса, и соответственно на примере изучения студенческой среды в странах Большого Алтая можно выявить особенности реализации политики памяти. В этой связи в социологическом опросе, проведенном в сентябре — октябре 2025 г. Алтайским государственным университетом, приняла участие студенческая молодежь России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Методом сбора информации стал анкетный опрос, проведенный в онлайн- и офлайн-

формате (n = 515). Уникальность проекта заключается в том, что в нем приняли участие студенты четырех постсоветских стран, что позволило выявить структурные и символические элементы переживания ими истории, интерпретировать их сходства и различия.

Ключевые слова: молодежь, славянские и тюркские народы, историческая память, национальная политика, политика памяти, Центральноазиатский регион, интерпретация прошлого, страны Большого Алтая

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (№ 748715Ф. 99.1.ББ97АА00002)

Для цитирования: Ковалева А. В., Джунушалиева Г. Д., Горина И. В., Осмонова Н. И. Политика памяти и осведомленность молодежи о славяно-тюркском наследии в странах Большого Алтая // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 2. С. 37–51. doi: 10.14258/ssi(2026)2–02

Memory Politics and Youth Awareness of the Slavic-Turkic Heritage in the Greater Altai Countries

Alla V. Kovaleva¹

Gulmira D. Dzhunushalieva²

Irina V. Gorina³

Nurgul I. Osmonova⁴

¹Altai State University, Barnaul, Russia, alla_k65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6063-4107>

²Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, dzun5gulmera@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5417-1049>

³Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, gorina72@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-2823-2765>

⁴Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, osmonova_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3846-4033>

Abstract. The article analyzes the results of a sociological survey on the values of the historical and cultural heritage of the Turkic peoples, the level of their coverage in the media space of the Greater Altai countries. For more than thirty years, post-Soviet countries have been making efforts to build national historical memory among young people. The relevance of the research lies in active attempts to revise the common past. Its reformatting and the search for other value accents are connected not only with the activities of international non-governmental organizations, but also with the search for national identity. The purpose of this article is to identify and interpret the similarities and differences in the assessment of the significance of events in the common

history of the Slavic and Turkic peoples, as well as interest in studying this topic. Students from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan participated in the sociological survey conducted by Altai State University in September-October 2025.

The online questionnaire survey became the method of collecting information. A total of students from various fields of study took part in the survey.

The uniqueness of the project lies in the fact that students from four post-Soviet countries took part in it. This made it possible to identify the structural and symbolic elements of their experience of history, to interpret their similarities and differences.

Keywords: youth, Slavic and Turkic peoples, historical memory, national politics, memory policy, Central Asian region, interpretation of the past, Greater Altai countries

Funding: the research was carried out within the framework of the project “Turkic world of the Great Altai: unity and diversity in history and modernity” (registry number 748715F.99.1.BB97AA00002)

For citation: Kovaleva, A. V., Dzhunushalieva, G. D., Gorina, I. V., Osmonova, N. I. (2026). Memory Politics and Youth Awareness of the Slavic-Turkic Heritage in the Greater Altai Countries. *Society and Security Insights*, 9(2), 37–51. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)2–02

Введение

Национальная политика по конструированию исторической памяти является одной из ключевых задач по формированию, интерпретации и использованию представлений о прошлом с целью создания гражданской идентичности и обеспечения легитимности власти. Государство задействует различные ресурсы для работы с памятниками, учебниками, архивами и медиа для формирования национального исторического нарратива. В данных обстоятельствах история становится инструментом не только политической борьбы, но и патриотического воспитания, противодействия внешним и внутренним угрозам.

С обретением независимости постсоветские страны с различной скоростью и концептуальными подходами в конструировании консолидирующей национальной идеи попытались сформулировать общегосударственную национальную политику. Основными аспектами формирования задач национальной политики в сфере исторической памяти являются: формирование национального образа прошлого, который должен консолидировать нацию и обеспечивать преемственность поколений; административная и финансовая ресурсная база для продвижения политики исторической памяти в общественном мнении и медийном пространстве, институционализации интерпретаций прошлого; инструментарий политики памяти, включающий в себя места памяти, музеи, памятные даты/праздники и значимые национальные символы (Курбатова, 2024); включение значимых исторических событий в качестве идеологического компонента в политические нарративы для легитимации власти.

В странах постсоветского пространства в целом и в Центральноазиатском регионе в частности процессы нациостроительства во многом определялись конкретным историко-политическим содержанием и субъектностью политических сил во внутривнутриполитическом ландшафте стран (Репнина, 2020: 65; Миллер, Еф-

ременко, 2020: 30). Поэтому и общая историческая память в рамках единых государств (Российской империи и Советского Союза) стала предметом ее ревизии, а в некоторых случаях — отстройки от советского прошлого (Левченко, 2025; Аманжолова, 2025). Предметы и дисциплины по отечественной истории в странах постсоветского пространства в своем содержании расставляют иначе акценты на исторических событиях/личностях, сосредоточивая внимание на существенных аспектах для национального нарратива истории славяно-тюркского мира.

Целесообразность сравнительного анализа исторической памяти, направленного на выявление степени осведомленности о событиях общей истории славянских и тюркских народов, определяется несколькими ключевыми опциями. Историческая память России, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана претерпела процессы пересборки национальной истории вне советских идеологических рамок, в том числе в отношении значимых исторических событий и личностей. В центральноазиатских странах на первые роли вышли свои национальные герои, которые должны были внести новые смыслы и подкрепить формируемые политические нарративы в контексте становления и укрепления национального государства (Подлесная, Шевченко, Ильина, 2023: 511).

Анализ молодежных представлений в регионе предоставляет возможность предметно выделить дальнейшие тренды в пересмотре общего прошлого, его причины, источники исторической памяти и устойчивость, особенности трансформации национальной политики в сфере памяти (Кокоулин, 2020; Райченко, 2020). Проблематика еще более актуализируется тем фактом, что специфика потребления информации о прошлом «цифровым» поколением и сегментация общества, обусловленная различием социальных платформ коммуникации, требуют новых форматов социального взаимодействия, трансляции исторической памяти с использованием всего спектра технологий для формирования новых форм социального доверия. Безусловно, это задача государственного уровня, когда полноценная национальная политика в области сохранения исторической памяти нуждается в новой модели исторического образования с глубоким пониманием ментальных особенностей подрастающих поколений (Замараева, 2022).

В социокультурном разрезе памяти об истории взаимодействия и взаимовлияния славян и тюрков различимы модели, в которых память поддерживается на уровне проявления героизма в переломные этапы национальной истории для более отдаленных во времени исторических событий и на уровне семейных и локальных повседневных практик. Анализ механизмов сохранения социокультурного наследия у обществ постсоветского пространства позволяет выявить, какие каналы оказываются наиболее эффективными в формировании и трансляции исторической памяти (Горшков, Бараш, 2024).

Для постсоветского пространства исследовательские вопросы о том, каковы особенности социокультурного восприятия исторической памяти славяно-тюркского мира в студенческой среде России, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, как они формируются и какие в результате приоритеты обозначаются

в национальной политике, актуальны еще и в контексте идеологического и цивилизационного противостояния, которое разворачивается в наши дни.

Методология и методы исследования

Цель исследования — выявление степени осведомленности молодежи о событиях общей истории славянских и тюркских народов, а также заинтересованности в изучении данной тематики. В проведенном социологическом опросе выделено несколько базовых линий, что определило методологию исследования.

Историческая память — часть коллективной памяти, включающая в себя совокупность интерпретированных знаний, представлений, мифов и оценок прошлого, разделяемых членами общества. Она является ключевым элементом идентичности, гражданственности и межпоколенческой связью, опираясь на ключевые исторические события или трагический опыт/социальную травму (Крючек, Сергеев, 2025). Наличие определенного расхождения между официальной и коллективной версиями истории во многом обусловлено конкретным историческим контекстом, согласно взглядам Мориса Хальбвакса и Алейды Ассман (Петухова, 2024; Гапоненко, 2021). Одной из существенных характеристик исторической памяти является возможность ее конструирования (Ачкасов, 2018). Историческая память формируется под влиянием двух факторов: официального нарратива, который интерпретируется сквозь призму опыта, гражданской или религиозной идентичности, и интересов социальных групп. Эмоционально окрашенные представления исторической памяти, закреплённые в культурных ритуалах и символах, семейных историях и социальных практиках, избирательны, неустойчивы, в определенные моменты могут вступать в противоречие с официальной версией (Сыров, 2023).

С позиций социологического подхода к исследованию исторической памяти мы рассматриваем социальный конструкт, который является продуктом воспроизводства прошлого социальными институтами (система образования, СМИ, искусство, архивы, музеи и пр.). Медиаресурсы, особенно социальные сети, менее институализированы (Поляков, Нигматуллина, 2024), чрезмерно сегментированы, что ставит государственную задачу по правовому регулированию или установлению стандартов этики.

Историческая память на личностном уровне формирует внутреннюю этическую систему, ценностное восприятие наиболее значимых исторических событий, которые имеют вневременную значимость.

Историческая память в качестве социального конструкта легко становится объектом манипулирования и фальсификаций. Причем на первых порах даже не требует значительных содержательных изменений, достаточно сомнения в верности представлений о прошлом, оправданности тех или иных государственных и личностных решений.

С точки зрения функции регуляции социального поведения историческая память проявляет себя на личностном, социальном и общественном уровнях. Но самая главная функция исторической памяти заключается в ее интегрирующей роли в обществе, в ее помощи в конституировании «воображаемого сообщества».

Национальная политика / политика памяти, несмотря на то что с давних времен используется в социально-политической практике государства, все же в политический дискурс вошла в 60-е гг. XX в. (Blight, 2009). С учетом исторического контекста этого времени — появления ряда национальных государств в результате крушения мировой колониальной системы — для политической элиты выгодно формировать соответствующий «образ прошлого» с позиции долгосрочности эффекта ревизии исторической памяти (Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2018). Данный социальный феномен хорошо прослеживается на примере постсоветских стран. Новая концепция суверенного государства потребовала пересмотра советского наследия, преодоления стереотипов о культурной отсталости кочевничества, укрепления национальной государственности посредством выдвижения иных исторических сюжетов, героев и праздников (Тачмедова, 2024; Лебедь, 2025).

Интерпретация значимых этапов в истории каждой суверенной страны постсоветского пространства носит выборочный характер. Свое отражение она находит в учебниках по истории и художественной литературе. Символическая нагрузка исторических событий также различается в постсоветских государствах, зачастую применяется лексика колониализма и апелляция к теме потери государственности. Особенное внимание уделяется наиболее сложным страницам истории: гражданская война, политические репрессии и пр. Историческая память, обеспечивая непрерывную связь прошлого, настоящего и будущего, становится мощным инструментом политического управления. Иными словами, управление исторической памятью позволяет манипулировать и управлять общественным мнением (Воденко, 2021).

Россия в качестве правопреемницы СССР использует историческую память как знаковый компонент государственной политики. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан — страны с различной степенью плюрализма в политической сфере и однозначно национально окрашенным подходом к исторической памяти, значимости тех или иных персонажей в истории. В суверенных государствах постсоветского пространства исследователями отмечается наличие нескольких версий исторической памяти: советская; постсоветская, которая ориентирована либо на Запад (Европа, США, Великобритания), либо Восток (арабские страны, Турция, Китай); национальная; «элитная» (Воденко, 2021). Советская версия исторической памяти в жестких конкурентных условиях оказывается непопулярной по многим причинам, и прежде всего благодаря ревизии памяти о прошлом.

В Казахстане в основу политики памяти была выдвинута идея «Мәңгілік Ел» (Тачмедова, 2024). В Узбекистане политика памяти основана на идее этнических ценностей «узбекчилик» и продвинулась по пути десоветизации и борьбы с религиозным экстремизмом (Цыряпкина, 2020). В Кыргызстане одна из наиболее поддерживаемых социумом консолидирующих идей — идея эпического героя Манаса. Выдвинутая в 1990-х гг., она так и не получила концептуально завершенного вида. Семь заповедей Манаса изучают в школе, в 2025 г. Город Джалал-Абад (центр одноименной области) был переименован в Манас, эпос нашел отражение в государственной символике Кыргызстана, однако эпос и его идеи так и не переросли в государственную политику памяти (Кудояров, 2021).

Технологии, применяемые политической элитой центральноазиатских стран в укреплении национальной идентичности, прежде всего направлены на «фундаментализацию» национального прошлого, поиск путей его «удревления», ревизии совместного с Россией исторического пути и попыток формирования национального образа будущего. Интенсивность продвижения национальной политики памяти в этих государствах находится в тесной корреляции с социально-политической обстановкой, зрелостью политической элиты, уровнем контроля публичного пространства, гражданской активности членов социума и деятельностью заинтересованных внерегиональных акторов (Гаман-Голутвина, 2023).

Для сбора данных по исследуемой проблеме был проведен анкетный опрос студентов в период с сентября по октябрь 2025 г. в онлайн- и оффлайн-формате. В опросе приняли участие 515 студентов из четырех стран. Из общего количества опрошенных проживают в России 31,4% респондентов, в Казахстане — 20,9%, в Узбекистане — 18,4%, в Кыргызстане — 29,3%.

Студенты следующих вузов приняли участие в опросе:

- Вузы России: Алтайский государственный университет, СибГУ им. Решетнева, СВФУ;

- Вузы Казахстана: КазНУ им. Аль Фараби, ВКУ им С. Аманжолова, ВКТУ им. Д. Серикбаева, КазНПУ им. Абая, Каспийский университет, Каз. ун-т международных отношений и мировых языков им. Абылай Хана, Академия гражданской авиации, ЕНУ им Л. Гумилева;

- Вузы Узбекистана: НУУз им. Мирзо Улугбека;

- Вузы Кыргызстана: КНУ им. Ж. Баласагына, КРСУ им. Б.Н. Ельцина.

Опрошенные студенты обучаются по самым разнообразным направлениям подготовки: социогуманитарной направленности, лингвистики, экономики, инженерии и производства и эксплуатации ракет и ракетно-космических комплексов. В демографическом разрезе опрошенные представлены следующим образом: пол (мужской — 31,4%; женский — 67,6%); возраст (17–21 год — 84,7%, 22–24 года — 9,1%, 25 лет и старше — 6,2%).

Результаты исследования

Характеризуя общее и различное в восприятии проблематики исторической памяти студенчества России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, следует отметить, что отношение молодежи к вопросам сохранения исторической памяти в целом оказалось почти единодушным: 82,2% опрошенных считают необходимым сохранение и передачу другим поколениям исторической памяти; 16,4% считают необходимым сохранение отдельных фрагментов, событий истории; 1,4% считают совсем не обязательным сохранение исторической памяти.

Потребность в знании истории своей семьи, своего народа, своей страны оценивается студенческой молодежью следующим образом: «да, нужно обязательно» — 64,7% опрошенных; «скорее нужно» — 33,5%; «скорее не нужно» — 1,4%; «не нужно совсем» — 0,4% опрошенных.

Оценка степени личной заинтересованности в изучении тематики общей истории славянских и тюркских народов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 — Оценка степени личной заинтересованности в изучении тематики общей истории славянских и тюркских народов, %

Figure 1 — Assessment of the degree of personal interest in studying the general history of the Slavic and Turkic peoples, %

Свой индивидуальный уровень осведомленности о фактах общей истории славянских и тюркских народов студенты определяют так:

- Ничего не знаю об общей истории — 13,6% опрошенных;
- Знаю, но очень мало — 64,9%;
- Знаю достаточно много — 20,2%;
- Школьную программу знаю — 0,8%;
- Знаю про славянскую историю — 0,2%.

Вместе с тем на вопрос «Какие события общего исторического прошлого славянских и тюркских народов Вам известны?» развернутых ответов получено немного. Чаще всего упоминали времена татаро-монгольского ига, Тюркско-го каганата, Золотой Орды, Великого переселения народов, СССР, Великой Отечественной войны. Развернутые ответы достаточно определенно показали, по каким учебникам истории учились студенты. Поскольку студенты Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана изучают монгольское нашествие и Золотую/Белую Орду вне связи с русскими княжествами, то более упорядоченные знания по истории славяно-тюркского взаимодействия у них складываются с XVI–XVII вв.

Оценка необходимости освещения общего историко-культурного наследия славянских и тюркских народов в медийном пространстве показывает, что сложившееся историко-культурное наследие за период пребывания в составе единых государств (Российской империи и Советского Союза) все еще остается актуальным для его знания (рис. 2).

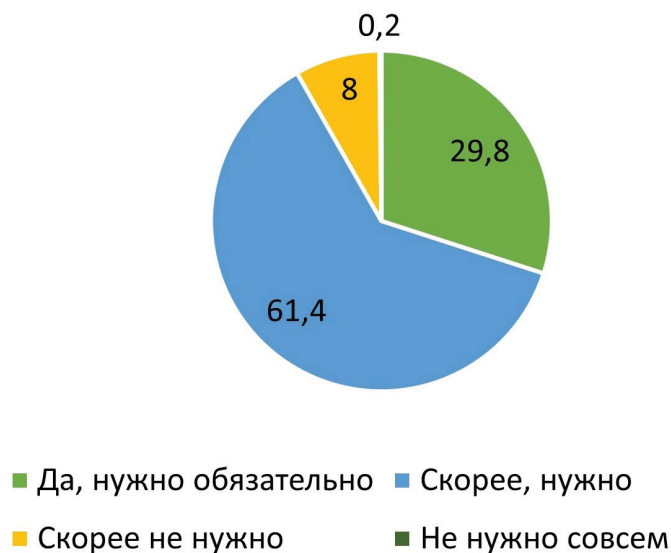

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли освещать общее историко-культурное наследие славянских и тюркских народов в медийном пространстве?», %

Figure 2 — Distribution of responses to the question: “Do you think it is necessary to cover the common historical and cultural heritage of the Slavic and Turkic peoples in the media space?”, %

Оценка студентами степени освещенности ценностей историко-культурного наследия славянских и тюркских народов в медийном пространстве указала на то, что таких материалов мало в публичном доступе (рис. 3).

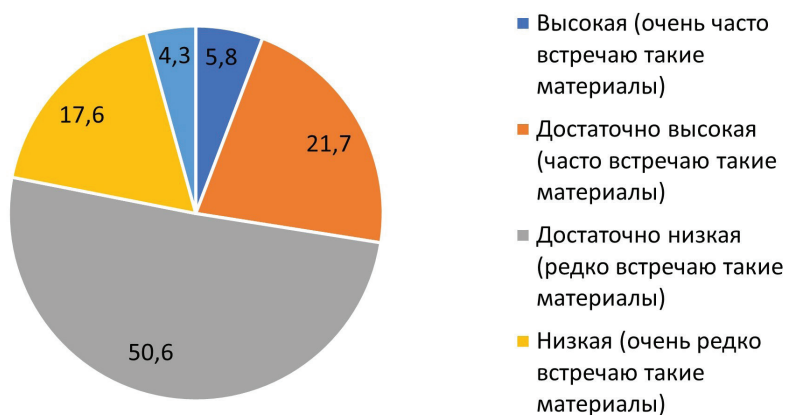

Рисунок 3 — Оценка степени освещения ценностей историко-культурного наследия славянских и тюркских народов в медийном пространстве, %

Figure 3 — Assessment of the degree of coverage of the values of the historical and cultural heritage of the Slavic and Turkic peoples in the media space, %

О совместных исследованиях ученых России и стран Центральной Азии студенты: не знают — 44,4% опрошенных; что-то слышали — 43,8%; знают — 11,8% опрошенных.

Отметим, что *возможность повышения интереса к тематике историко-культурного наследия славянских и тюркских народов под влиянием качественного контента в СМИ*, содержащего факты общей истории, оценивается студентами позитивно. По мнению 74,4% опрошенных, качественный контент СМИ повлияет на повышение интереса к данной тематике; не знают — 19,6% опрошенных и 5,8% опрошенных считают, что такого влияния не будет.

Наиболее предпочтительными каналами получения информации об общей истории и ценностях историко-культурного наследия славянских и тюркских народов студенты определили социальные сети и блоги:

1. Социальные сети — 75,6%.
2. Блоги — 22,9%.
3. Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы) — 17,6%.
4. Телевидение — 15,5%.
5. Печатная пресса — 6,2%.
6. Радио — 4,3%.
7. Другое — 0,2%.

Какие оценки дают исследуемым показателям студенты разных стран? В целом, согласно результатам социологического опроса, позиции по всем странам совпали:

- считают: необходимым сохранение и передачу другим поколениям исторической памяти; обязательным для современного человека знание истории своей семьи, своего народа, своей страны; скорее нужным освещение общего историко-культурного наследия славянских и тюркских народов в медийном пространстве;
- периодически интересуются тематикой общей истории славянских и тюркских народов; более половины встречали контент, посвященный теме ценностей историко-культурного наследия славянских и тюркских народов;
- очень мало знают об общей истории славянских и тюркских народов;
- достаточно низко оценивают степень освещенности ценностей историко-культурного наследия славянских и тюркских народов в медийном пространстве;
- высоко оценивают возможности влияния качественного контента в СМИ, содержащего факты общей истории и историко-культурного наследия славянских и тюркских народов на дальнейший интерес к данной тематике;
- предпочитают получать информацию об общей истории и ценностях историко-культурного наследия славянских и тюркских народов из социальных сетей, блогов, интернет-сайтов.

Однако все же выявлена одна особенность оценочных суждений между студентами Казахстана, Кыргызстана, с одной стороны, и Узбекистана, России — с другой: в первом случае большая часть молодежи что-то слышала о совместных исследованиях и работах ученых России и стран Центральной Азии, во втором — большая часть студентов не знает о них.

Выводы

Историческая память о событиях общей истории славянских и тюркских народов в России и странах Центральной Азии постсоветского пространства все еще сохраняет свою социокультурную и транснациональную значимость. Социальные и культурные традиции/практики продолжают эффективно работать и воспроизводятся благодаря институциональным структурам: образование, семейные традиции, ритуалы и праздники, медиа. Однако ресурсы исторической памяти имеют свои ограничения, которые обусловлены конструируемыми национальной элитой социально-политическими нарративами. Переход исторической памяти из коммуникативного формата в культурный требует усилий государства по формированию социальной политики в сфере коллективной памяти. Обретение политическими элитами субъектности в вопросах выстраивания национальной версии в рамках реализации суверенитета требует культивирования в массовом сознании социума идей собственной истории, национальной традиции, новой интерпретации ключевых исторических событий и новых символов.

Исследование показало, что в России социальная политика в области памяти является делом государства и его идеологии. Государство реагирует на социальный запрос и предоставляет ресурсы для героизации прошлого. В странах постсоветской Центральной Азии централизация политики памяти со стороны государства различается. Наиболее выражена позиция и активность государства в Узбекистане, Казахстане и менее всего — в Кыргызстане. Связано это с тем, что политические элиты поддерживают нарративы, связанные с этнической историей, и должны решать задачи национального возрождения и процветания.

Проблематика сохранения исторической памяти не вызывает отторжения и критики со стороны студенческой молодежи всех вовлеченных в социологический опрос стран. Но, как упоминалось выше, ресурс востребованности исторической памяти об общей истории славянских и тюркских народов имеет свои пределы. Это отразилось и в количественных показателях опроса. Чуть более половины опрошенных указали, что интересуются ею время от времени. Можно предположить, что с уходом поколений, имеющих актуальный советский жизненный опыт, социокультурное наследие продолжит утрачиваться. Иными словами, общие исторические события славянского и тюркского прошлого воспринимаются как общее советское наследие или элементы русскоязычного культурного пространства.

Наличие совместных научно-исследовательских работ ученых России и центральноазиатских стран не популяризируется в публичном пространстве. Поэтому если казахстанские и кыргызстанские студенты что-то слышали, то российские и узбекские почти ничего не знают о них.

Сложный и многоаспектный характер исторической памяти требует качественного и по возможности доступного для понимания студенчеством контента в медийном пространстве. Современное поколение студентов имеет ряд коммуникативных особенностей, которые требуют определенной «упаковки» исторической информации. В медийном пространстве работает один принцип: туда, где

мы не присутствуем со своим контентом, приходят другие, и их информация может оказаться отнюдь не дружественной и лояльной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аманжолова Д. А. Особенности конструирования памяти о Великой Отечественной войне: пример бывших республик Средней Азии и Казахстана // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 25–33.

Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–26.

Воденко К. В. Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтнического социума // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021. Т. 12, № 14. С. 81–90.

Гаман-Голутвина О. В. Слово редактора // Сравнительная политика. 2023. № 14. С. 4–9.

Гапоненко Л. Б. Политика памяти как фактор формирования национальной идентичности // Этносоциум. 2021. № 11–12. С. 114–124.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125–137.

Грибовод Е. Г., Ковба Д. М., Моисеенко Я. Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. 2018. № 2. С. 123–132.

Замараева Е. И. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3. С. 263–268.

Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // ДискурсПи. 2020. № 3. С. 10–25. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10301

Крючек П. С, Сергеев В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость // Труды БГТУ. Серия 6. 2025. № 1. С. 5–10.

Кудаяров К. А. Особенности внутриполитического развития Киргизии в постсоветский период // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 2. С. 82–90. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-2-82-90

Курбатова А. Г. Мемориальные символы исторического наследия в образовательных проектах Европейской ассоциации преподавателей истории (ЕвроКлио) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 104–118. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.5.71916

Лебедь Д. В. Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере Республики Узбекистан) // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГУ, 2025. С. 49–52.

Левченков А. С. Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 54–65.

Петухова Т. Н. Историческая память как фактор формирования национальной идентичности // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. Участием. Чебоксары: Среда, 2024. С. 325–327.

Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 503–524.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Поляков А. К., Нигматуллина К. Р. К проблеме институционализации социальных медиа. Коммуникология. 2024. Т. 12, № 1. С. 28–37. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-28-37>

Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности. М.: Аквилон, 2020. 464 с.

Райченко А. А. Отражение исторической памяти в историографии белорусской государственности XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2020. № 2. С. 10–13.

Сыров В. Н. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 6–14. DOI: 10.15826/tetm.2023.1.040

Тачмедова Д. Ш. Политика исторической памяти в современном Казахстане // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 3. С. 260–268.

Цыряпкина Ю. Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 238–248.

Blight David W. The Memory Boom: Why and Why Now? In *Memory in Mind and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 238–251.

REFERENCES

Amanzholova, D. A. (2025). Features of constructing the memory of the Great Patriotic War: The case of the former Central Asian republics and Kazakhstan. *Public Administration. E-journal*, 113(S), 25–33 (In Russ.).

Achkasov, V. A. (2018). National identity as a historical narrative. *Management Consulting*, 10, 19–26 (In Russ.).

Vodenko, K. V. (2021). Managing historical memory as a way of forming the national identity of a multi-ethnic society. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 12(14), 81–90 (In Russ.).

- Gaman-Golutvina, O. V. (2023). Editor's word. *Comparative Politics*, 14, 4–9 (In Russ.).
- Gaponenko, L. B. (2021). Memory politics as a factor in the formation of national identity. *Ethnosocium*, 11–12, 114–124 (In Russ.).
- Gorshkov, M. K., & Barash, R. E. (2024). Historical memory of contemporary Russians: The history of twentieth-century Russia through the prism of family histories. *Sociological Studies*, 9, 125–137 (In Russ.).
- Gribovod, E. G., Kovba, D. M., & Moiseenko, Ya. Yu. (2018). National memory policy in contemporary Russia: Main trends and instruments. *Discourse-Pi*, 2, 123–132 (In Russ.).
- Zamaraeva, E. I. (2022). Problems of preserving historical memory in the era of digitalization. *Kazan Pedagogical Journal*, 3, 263–268. (In Russ.)
- Kokoulin, V. G. (2020). Technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic War in post-Soviet Russia. *Discourse-Pi*, 3, 10–25 (In Russ.).
- Kryuchek, P. S., & Sergeev, V. N. (2025). Historical memory and national identity: Mechanisms of formation and social significance. *Proceedings of BSTU. Series 6*, 1, 5–10 (In Russ.).
- Kudayarov, K. A. (2021). Features of domestic political development of Kyrgyzstan in the post-Soviet period. *RSUH Bulletin. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*, 2, 82–90 (In Russ.).
- Kurbatova, A. G. (2024). Memorial symbols of historical heritage in educational projects of the European Association of History Teachers (EuroClio). *Historical Journal: Scientific Studies*, 5, 104–118 (In Russ.).
- Lebed, D. V. (2025). Historical policy in the post-Soviet space: The case of the Republic of Uzbekistan. *Current issues in humanitarian education: Proc. of the 10th International scientific and practical conference*. Minsk: BSU (In Russ.).
- Levchenkov, A. S. (2025). Historical policy in the post-Soviet space (on the example of memory of the Great Patriotic War) in the context of contemporary geopolitical transformations. *Public Administration. E-journal*, 113(S), 54–65 (In Russ.).
- Petukhova, T. N. (2024). Historical memory as a factor in the formation of national identity. *The Great Patriotic War in the history of the peoples of the Volga region: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation* (pp. 325–327). Cheboksary: Sreda Publishing House (In Russ.).
- Podlesnaya, M. A., Shevchenko, O. K., & Ilina, I. V. (2023). Heroes and heroism as representations of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*, 23(3), 503–524 (In Russ.).
- Memory politics in contemporary Russia and Eastern European countries: Actors, institutions, narratives*. (2020). Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press (In Russ.).
- Polyakov, A. K., & Nigmatullina, K. R. (2024). On the problem of institutionalization of social media. *Communicology*, 12(1), 28–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-28-37>
- The past for the present: History-memory and narratives of national identity*. (2020). Moscow: Akvilon (In Russ.).

Raychenok, A. A. (2020). Reflection of historical memory in the historiography of Belarusian statehood in the twentieth century. *Proceedings of BSTU. Series 6. History, Philosophy*, 2, 10–13 (In Russ.).

Syrov, V. N. (2023). Family memory and historical identity: Can they be considered good paths to defining identity? *Tempus et Memoria*, 4(1), 6–14 (In Russ.).

Tachmedova, D. Sh. (2024). Politics of historical memory in contemporary Kazakhstan. *Post-Soviet Studies*, 7(3), 260–268 (In Russ.).

Tsyryapkina, Yu. N. (2020). The “era of socialism” in the historical memory of the population of post-Soviet Uzbekistan. *Historical Courier*, 5, 238–248 (In Russ.).

Blight, D. W. (2009). The memory boom: Why and why now? In P. Boyer & J. V. Wertsch (Eds.), *Memory in mind and culture* (pp. 238–251). Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алла Владимировна Ковалева — д-р социол. наук, профессор кафедры журналистики, медиа и рекламы, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Alla V. Kovaleva — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Journalism, Media, and Advertising, Altai State University, Barnaul, Russia.

Гульмира Дженишевна Джунушалиева — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек (Кыргызстан).

Gulmira D. Dzhunushalieva, — Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Advertising and Public Relations Department, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan.

Ирина Владимировна Горина — канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек (Кыргызстан).

Irina V. Gorina — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan.

Нургуль Исраиловна Осмонова — д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой философии и религиоведения имени академика А.Ч. Какеева Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек (Кыргызстан).

Nurgul I. Osmonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of the A.Ch. Kakeev Department of Philosophy and Religious Studies, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026;
одобрена после рецензирования 07.05.2026;
принята к публикации 07.05.2026.
The article was submitted 15.04.2026;
approved after reviewing 07.05.2026;
accepted for publication 07.05.2026.